

Артур Дарра

ХРАНИТЕЛЬ СЛЁЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Дарра Хранитель слёз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30020334

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93815-1

Аннотация

Это история о неустанных попытках найти себя в сегодняшнем огромном и холодном мире, нащупать собственную тропинку в череде быстро меняющихся дней, растопить душевный снег, под покровом которого затаились драматичные фрагменты прошлого. История о том, как иногда мечта всей жизни возвращается. И о том, какую цену порой приходится за это заплатить.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящение и эпиграф	4
Часть первая. Снежность и кофе	6
I	6
II	15
III	20
IV	24
V	36
VI	44
VII	53
VIII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Артур Дарра

Хранитель слёз

Посвящение и эпиграф

*Посвящается Лилии,
сказавшей:*

«Вот интересно: когда человек, с которым мы едем в одном автобусе, встаёт и выходит на своей остановке – это для нас абсолютно нормально. Потому что это – его остановка. А что, если в жизни всё точно так же?.. Когда человек приходит в нашу жизнь, мы «едем» какое-то время вместе. А когда он «выходит на своей остановке» – мы с благодарностью в сердце просто говорим ему «Пока!». Потому что его время пришло. И не расстраиваемся. Ведь таков его маршрут, верно?»

* * *

«Скажи мне сам прямо, я зову тебя – отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло

бы замучить всего лишь одно только крохотное созданыице, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!»

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Часть первая. Снежность и кофе

I

Атмосфера здесь стояла самая что ни на есть отвратительная. Чистокровная зима ещё не пришла, но уже припугивала ноябрь своими эпилептическими припадками – хлесткими заморозками и густыми снегопадами. Ещё и наглая метель давала о себе знать регулярными налётами. Неудивительно, что за ночь вся земля в округе промёрзла и этим ранним снежным утром холодила ноги людям, что теснились вокруг свежерытой могилы.

«*И зачем я только согласился?!*» – всё пилил сам себя Никита Нечаев, глубже заталкивая окоченелые ладони в карманы пальто. И, надо сказать, небезосновательно. Тётя Света никогда не являлась частью его жизни. Даже самой крохотной и отдалённой. Ни её визитов, ни звонков, ни даже родительских бесед о ней. Как будто её и вовсе никогда не существовало на Земле. Если только на какой-то другой планете – в иной галактике, о которой Никита никогда и не слышал.

Потому и стоял он теперь у могилы без какой-либо скорби, то и дело поглядывая на гроб и мысленно уже опуская его в землю. Мать Никиты отказалась приезжать на похороны родной сестрёнки, но при этом настояла, чтобы на них

присутствовал сам Никита: «Нехорошо будет, если от нашей семьи вообще никто не придёт». Да и жили родители парня в весьма далёком отсюда селе. Далёком и совсем непохожем на тот город, в котором проживала тётя Света и в котором вот уже пять лет пытался прижиться Никита.

Замерзающий, он мельком поглядывал на других бедолаг. И уже не первый раз глаза его замирали на темноволосой девушке. Короткое черничное пальто плотно облегало её стройную фигурку, неподвижно стоявшую по другую сторону могилы. Слез или любых других уместных для похорон душевных проявлений на её лице не наблюдалось. Абсолютный эмоциональный вакуум, обрамлённый чёрным платком. Никите лицо этой девушки почему-то казалось знакомым, но он, как ни старался, не мог вспомнить ни одного случая, когда бы с ней где-то встречался.

Рядом с девушкой, потупив взгляд в гроб, стоял мужчина в бледно-зелёном пуховике. Его застывшее морщинистое лицо тоже не выдавало никакой информации о том, какие чувства и процессы происходят под этой курткой болотного цвета.

Остальные же человек пять стояли совсем уж неприметно, зябко и одиноко переступая с ноги на ногу.

Никого из присутствующих Никита не знал и мог лишь смутно предполагать, кем они приходились покойнице. Умерла последняя два дня назад. Как слышал Никита, от инсульта. Случилось это на сорок шестом году её жизни.

Через несколько минут неказистые работники кладбища всё же опустили гроб в землю и стали его закапывать. Когда завершили с установкой тяжеловесного каменного надгробия и металлической ограды, Никита одним из первых нагнулся и положил на рыхлую почву букет белых лилий.

Сразу же вслед за ним к могиле слегка наклонилась девушка в чёрном платке. Быстрым движением она положила рядом с цветами Никиты одну тёмно-красную розу и тут же шагнула на прежнее место, словно желая поскорее завершить данный процесс. Мужчина в болотной куртке в этот самый момент сделался, как показалось Никите, каким-то уж слишком печальным.

«Пусть земля Вам будет прахом... ой, пухом!» – мысленно обратился Никита к своей тёте. И затем, чтобы его окоченелый труп не слёг следом в соседнюю могилку, решил, что пора отчаливать.

Он напоследок окинул взглядом могилу, чёрно-белую фотографию покойницы (родство с его мамой всё же проглядывалось) и, с чувством хоть и выполненного долга, но всё же с некой пощипывающей изнутри тревогой, что оставляет раньше других это мероприятие, развернулся, вышел на тропинку и медленно побрёл к выходу.

В то время как выход находился совсем близко – всего-то в шагах тридцати, – Никита почему-то чувствовал, что так просто из кладбища он не выйдет. Будто должно произойти что-то ещё.

– Подождите! – тут же раздался за спиной мужской голос.

Никита замер. И, прикрыв веки, с мольбою прошептал: «Это не мне, это не мне...» Затем медленно обернулся.

– Извините! Могу я с вами поговорить? – К нему спешил тот самый мужчина в болотной куртке, в глазах которого теперь появилось заметное оживление.

– Со мной?.. – произнёс Никита.

– Именно с вами.

– По какому поводу?

– Завещание... – остановившись перед Никитой, тяжело задышал мужчина. – Завещание Светланы Алексеевны. Меня зовут Михаил Обручев. – И, протянув Никите руку, добавил: – Я нотариус.

– Я не близкий родственник тёти Светы... – Никита нерешительно пожал руку странному нотариусу. – Я так... заскочил только...

– Нет-нет, именно вы-то мне и нужны! – возразил тот и даже положил руку ему на плечо.

– Я? – Никита озадаченно глядел то в морщинистое лицо незнакомца, то на его большую руку.

– Вы – особенно.

– Это, видимо, ошибка. Я тёти Светы совсем не знал. И нахожусь здесь по той лишь причине, что меня мама попроси...

– Нет-нет. Это не ошибка. Я знаю, о чём говорю, *Никита*. Парень пристально посмотрел мужчине в глаза. Тот уве-

ренно кивнул. Надо же, знает его имя. Но откуда? Твёрдый взгляд не сползал с лица Никиты. Да уж, деваться, пожалуй, некуда...

Никита неохотно, но всё же двинулся вслед за нотариусом.

– При разговоре также будет присутствовать Соня, – сказал тот, когда они вышли из кладбища и подошли к белому «Фольксвагену».

– Какая ещё Соня? – удивился Никита. Но нотариус или не расслышал, шагая впереди, или просто решил оставить вопрос без внимания.

Через минуту подошла та самая девушка в чёрном платке. Никита снова пристально посмотрел на неё.

– Я сочувствую... вашей утрате, – с некоторой паузой в словах обратился к ней Михаил.

– Благодарю... – ответила она полушёпотом. На её лице царствовала прежняя мертвенность.

Нотариус быстро и попеременно окинул взглядом Никиту и девушку.

– Мне почему-то кажется, что хоть вы и родственники, но ещё не знакомы... Это дочь Светланы Алексеевны – Соня. А это её племянник – Никита.

«Ничего себе новости... – изумился парень. – Моя двоюродная сестра?..»

– Привет, – выговорил он.

На что Соня лишь сухо кивнула в ответ. От неё исходило

какое-то холодное бездушие, но под ним словно таилось что-то ещё. Очень похожее на нетерпеливость.

Нотариус открыл дверцу седана и вынул из бардачка пачку бумаг. Никита уже открыл было рот, чтобы снова сообщить, что всё происходящее – просто огромнейшая нелепая ошибка, но в последний момент передумал. С очень уж серьёзным лицом нотариус выискивал какие-то документы.

– Гражданка Трофимова Светлана Алексеевна, – наконец начал тот, обернувшись к Никите и Соне, – за две недели до своей смерти написала завещание, которое я вам сейчас зачту. Согласно ему...

Следующую минуту Никита стоял и думал о кофеварке. Да, как ни странно, именно о ней. Вот бы ему иметь свою кофеварку! И он бы каждое утро пил бодрящий сладкий кофе, который своим ароматом развеялся бы по всей кухне и круто поднимал настроение с самой зари. Он покупал бы разные сорта и, закусывая ореховым печеньем, потягивал бы этот чудесный напиток перед работой. И навсегда-навсегда забыл бы про тот быстрорастворимый суррогат «три-в-одном», которым ограничивались его повседневные будни.

Никита уже даже видел эту картину. Вот он просыпается, блаженно зевает, вытягивает руки к потолку, солнечные лучи приятно слепят его и расцветчивают утреннюю комнату, он медленно встаёт, заходит на кухню и первым делом нажимает кнопку рождения кофе... Волшебно! И так – каждое божье утро! Каждое!

– ...подпись гражданки Трофимовой Светланы прилагается, – завершил Михаил и пристально оглядел родственников.

Никита стоял с мечтательно-задумчивым видом. И только когда образовалось значительное молчание, он очнулся, озадаченно уставившись на нотариуса.

– Э-э... – протянул он.

Каменность же Сони стала преображаться. Девушка вдруг побагровела в лице. И, сжав кулачки, посмотрела на Никиту. Вообще, как показывает история человечества, *такого* женского взгляда мужчинам лучше бы от греха подальше избегать. Но что поделать – тот был всецело устремлён на Никиту... Никиту, который всего лишь молча стоял и грезил о кофеварочных утрах в его жизни. Странно так бывает: вроде стоишь себе, ничего вызывающего не делаешь, однако и этого бывает достаточно, чтобы тебя, возможно, на всю жизнь возненавидели лютой ненавистью...

– Быть того не может! – стиснув зубы, выговорила Соня. Лицо её стало ещё мрачнее: скулы нервно задёргались, лоб грозно покрылся морщинками, в глазах будто вспыхнул огонь.

Никита поймал на себе этот испепеляющий взгляд – и тут же отвёл глаза. Но не потому, что почувствовал себя под зрительным гнётом неуютно. Его останавливало что-то другое. То, что заставило бы тут же отвести глаза, посмотри она на него там – у могилы, когда он до неприличия долго засмат-

ривался на неё. Но в тот момент она ни разу не подняла на него глаз. А сам Никита – что тогда, что сейчас – глядел на неё с каким-то даже странным умилением.

«Интересно, сколько ей? – всё гадал он бессознательно. – Двадцать пять? Двадцать семь? Не так уж и старше меня выглядит. Тридцать ей точно не дашь...»

Соня вдруг развернулась и, хлюпая сапожками по жиже из снега и грязи, быстро зашагала к красному «Форд Фокусу».

– Почему она ушла? – наконец опомнился Никита.

– А вы что, сами не понимаете? – Глаза Михаила расширились.

– Не совсем...

– Светлана Алексеевна оставила свою квартиру *вам*, а не ей.

– Мне?.. Квартира?

– Вы что, совсем меня не слушали?

– Слушал...

– Вам досталась квартира. Правда... есть одно обстоятельство, – произнёс Михаил и на несколько мгновений замолчал. Сузив веки, он смотрел вслед уезжающему красному хэтчбеку.

– Какое обстоятельство? – вымолвил Никита.

– Пожалуй, вам лучше самим это увидеть. Садитесь.

– Прямо сейчас?..

Михаил вздохнул и двинулся к двери своего «Фольксвагена».

– Тянуть, к сожалению, мы не можем.

«*Мы?* – хотел переспросить озадаченный Никита. — *Не можем тянуть?*»

Но смолчал, продолжая стоять в замешательстве. Он вдруг почувствовал, что начал совершенно теряться. Будто какая-то непонятная сила активно принялась стирать его из окружающей реальности. И теперь он ощущал себя крошечной таракашкой перед открывшимся исполинским пространством – бездной неизведанного и пугающего.

В его голове только и вертелись слова его двоюродной сестры: «*Быть того не может!*» И, точно в агонии, от этих слов у него зарождались непонятные состояния, полёты от действительности в какие-то невразумительные мысленные заросли (как, допустим, с этой самой кофеваркой), которые казались ему чрезвычайно странными.

Никита всё смотрел вслед исчезающей среди деревьев красной машине и видел одну предельно ясную вещь: в его ничем не примечательной жизни произошло очень важное событие, которое уже запустило нерушимый механизм причинно-следственных связей. И это могло означать лишь одно – обязательную последовательность новых, непредсказуемых событий. Событий, которые отныне неизбежно должны будут проявиться в самом ближайшем будущем.

Ох, что-то точно будет!

II

Сидя в удобном переднем пассажирском кресле, Никита изучающе оглядывал салон дорогой иномарки. Михаил заметил это.

– Ездите? – спросил он.

– Я? – Никита быстро повернулся к нему. – Не-е-ет... У меня не то что машины, прав даже нет.

Нотариус слегка кивнул: с оттенком понимания.

– Мне вот интересно... – заговорил Никита спустя минуту. – А если бы я не пришёл на похороны, то что тогда? Не досталась бы мне квартира?

– Я знал, что вы придёте, – ответил Михаил. – Это я попросил вашу маму отправить вас.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно.

– Так вот почему она так настаивала... – Никита отвёл задумчивый взгляд в окно.

Дальше ехали молча и долго. Никита не знал, о чём можно поговорить с этим нотариусом, да и не особо хотелось. Он засунул руки в карманы пальто и расслабленно осознал, что, как ни крути, а находиться в такую мерзкую погоду внутри тёплой машины – занятие довольно приятное.

Там, снаружи, сверкал и переливался в холодных тонах утренний город. Этот город Никита за пять лет своего здесь

житья знал уже хорошо, помнил многие улицы, здания. В период, когда зима вколачивала в уставшую осень постоянные заморозки и снега, город стал немного грустным. Именно таким он теперь казался Никите, глядящему в окно. Большие и вялотекущие пробки, блеклые пейзажи и приглушённое небо... Никита словно находился в консервной банке, в которой концентрировалась и настаивалась суетливая городская жизнь, пропитываясь собственным соком, чтобы вскоре окончательно пришла зима и с аппетитом проглотила всё это щедрое угощение.

Потому Никита и вспоминал, какую тёплую одежду ему осталось купить к зимнему сезону. С деньгами у него последнее время совсем не ладилось: то и дело их ни на что не хватало. Он экономил как мог, но большой расход составляла оплата его квартиры, которую он снимал с одним парнем напополам. Оттого привычка откладывать деньги на покупку вещей в этом городе у Никиты как-то и не приживалась. Немного возникло финансов – так сразу же улетали в бездонную и голодную пасть города. Ведь это был не просто какой-то городок, а красавец Петербург. И, само собой разумеется, что одними его культурными красотами сыт не будешь. Нужно непременно браться за какие-нибудь дела и выживать.

Белый «Фольксваген» всё ехал, и Никите ничего не оставалось, как продолжать глядеть на то, что происходило за его пределами. Вот вновь зарядивший снег орошает всех и

вся, застилая под собой привычные краски и скрывая вдали очертания приунывших зданий; вот все дороги и кварталы насквозь пропитываются мерзлотой, покрываются новой кожей, словно маскируются, меняют обличие; вот какая-то сторбленная старушка отстреливается лихим матом от водилы, хамски не пропустившего её на пешеходном переходе...

«Ох, да это же она нам! – вдруг очнулся Никита, выпрямившись. – Нотариус что, уснул?!»

Никита быстро перевёл взгляд на водителя. Хорошо сложенный мужчина лет сорока пяти с короткими тёмными волосами, о чём-то задумавшись и держа руки на руле, теребил кольцо на безымянном пальце.

– Что с вами?

Нотариус оторвался от мыслей и, будто в первый раз увидев Никиту, отчуждённо посмотрел на него.

– Да так...

«Фольксваген» наконец выехал из пробки и теперь двигался к другому концу города. Михаил, всё так же крепко вцепившись в руль, напряжённо глядел на дорогу.

Через полчаса автомобиль заехал во двор, в котором возвышались два жилых дома, по девять этажей на каждый. Одноподъездные «панельки» стояли друг напротив друга на расстоянии пятидесяти метров.

– Далековато, – заметил Никита, когда автомобиль затих на парковке, расположенной меж двух домов.

– Это ничего, – отозвался нотариус. – Маршрутки здесь

ходят постоянно.

Они вышли из салона, и Михаил кликнул по кнопке маленького пульта. На секунду машина пикнула, и двери её закрылись. Никита стоял, по очереди оглядывая обе многоквартирки, и гадал, в какой же из них ему уготована квартира. Интуиция подсказывала – в той, что справа.

– Налево, – произнёс Михаил, указывая дорогу.

Да, Никита был не в интуитивном ударе. К тому же он до сих пор пребывал в очень странном для него состоянии.

Во дворе людей не оказалось. И вообще вся округа была на удивление какой-то тихой, безлюдной. Никита тут же невольно вспомнил фильм про тот город Сайлент Хилл с призрачно-пустыми улочками, покрытыми густым туманом. От заморозков здесь, в этом безмолвном дворе на окраине города, создавалась похожая атмосфера.

Михаил отворил дверь подъезда, и они шагнули внутрь. Самый обычный подъезд, но в отличие от многих других, что встречал Никита, – приятно-опрятный. Когда вошедшие остановились у лифта, Никита решил реанимировать свою интуицию и сразу же подумал, что им на пятый этаж.

Михаил нажал на девятый.

...Существует в природе такое не самое ловкое чувство, которое возникает, когда ты находишься в лифте с незнакомым человеком. Да даже если и со знакомым – всё равно. Как только двери лифта закрываются, и тот начинает своё движение, прежний мир будто выключается, и остается только

этот лифт. Замкнутое помещение ограничивает восприятие и внимание лишь на том, что находится внутри этой небольшой металлической коробки. А в ней находишься только ты сам и человек, который оказался рядом. И всё твоё внимание, конечно же, устремлено на него – на твоего спутника. А тот, в свою очередь, это прекрасно понимает и взаимно направляет своё внимание на тебя – куда же ещё его тут денешь? Вот в такой тесной тишине, где слышно дыхание и словно даже мысли рядом стоящего человека, проходят эти, порой кажущиеся бесконечными, подъёмы и спуски по этажам. Вроде как нужно о чём-то заговорить, сбить это неловкое молчание... вдобавок, натянутое до предела затишье подразумевает точно такие же мысли и у твоего попутчика...

Никита старательно делал вид, что занят чтением рекламы на стенде. Михаил же стоял перед самыми дверями впереди парня и смотрел то вверх, то вниз, теребя в руке ключи.

Наконец лифт остановился. Двери разъехались, и они вышли на последнем этаже. Нотариус встал у внушительной металлической чёрной двери под номером «50» и посмотрел на Никиту, без слов давая ему понять, что они на месте и уже прямо сейчас зайдут внутрь.

Такая мимолётная пауза позволила Никите собраться с мыслями и подготовиться начать размышлять. Много размышлять. О том, что он сейчас увидит...

Михаил всунул ключ в замок и открыл дверь.

III

...Зайдя в прихожую, нотариус сразу же включил свет и отошёл в сторонку.

Никита осторожно заглянул в квартиру. Первое что он заметил – это зелёные стены. Даже скорее салатовые. Слева сразу же вырастал светлый шкаф с зеркальными раздвижными дверцами. От него тянулся длинный коридор с картинами, в котором противоположно друг другу вырастало по комнате. А чуть поодаль была ещё одна: на ней и замыкался коридор. Там Никита уже выхватил краем глаза большой оранжевый диван, засыпанный декоративными подушками. По всей видимости – зал.

Размеры и внешний вид этой квартиры на первый, нецелостный взгляд крайне удивили Никиту. Они сильно отличались от той, которую он арендовал. В его съёмном жилище обои в некоторых местах и вовсе отсутствовали, полы раздражающе скрипели, кожа дивана, на котором он спал, облупилась и, словно сгоревшая под жарким солнцем, вечно отрывалась, осыпалась и в итоге каким-то образом оказывалась во всех уголках квартиры. В общем, то ещё безобразие.

А здесь всё было куда привлекательней. Мебель, сразу видно, современная. Всюду приятные светло-зелёные тона. Картины с живописными цветочками. Изящные межкомнатные двери из тёмного дерева... Да, здесь всё с первого же

взгляда невероятно привлекательней!

Вошедшие разулись. Нотариус внимательно следил за реакцией Никиты.

– Что скажете? – спросил он.

– Даже не знаю, – тихо ответил парень. – Странно как-то. Это ведь не моё...

– Теперь – ваше, – сказал Михаил и тоже осмотрелся. – Вы не стойте. Проходите дальше, осмотрите другие комнаты. Только вот в эту пока не заходите, – добавил он, указывая на комнату, что находилась слева по коридору.

– Почему? – удивился Никита.

– Потом, в самом конце.

– Хорошо...

Никита повернул от прихожей направо. Прошёл мимо дверей ванной комнаты, туалета и вышел к такой же салатовой кухне. Очень большая, красивая и ухоженная. В самом углу жил элегантный чёрный холодильник. Вдоль стены тянулись раковина, духовка и просторная столешница для готовки пищи со всеми необходимыми для этого принадлежностями, что соседствовали ровным многоцветным рядом на стене. На обеденном столе, расположенном посередине кухни и накрытым жёлтой клеёнкой, в прозрачной пластмассовой хлебнице лежали булочки с кунжутом. В маленькой деревянной корзинке красиво кучковались разношёрстные сладости. А рядом, будто следя за порядком на столе, красивым узором выглядывали из крохотной расписной стеклян-

ной вазочки голубоватые края салфеток. Всё чисто, аккуратно, ни пылинки.

Выходя из кухни и возвращаясь в коридор, Никита заглянул в ванную комнату – и ахнул. О таком он не мог и мечтать! *Душевая кабинка*. И не просто какая-то, а дико современная! Сразу видно, дорогушая, с выпуклыми раздвигающимися синими стенками, какими-то кнопками и подсветкой. А сама ванная комната, словно отделанная плиткой из свежей зелени, так и манила в свои ослепительно чистые владения, словно зазывая к такой же чистоте грязнуль, коим последний час являлся Никита, то и дело беспричинно покрывающийся потом.

Находясь под усиливающимся впечатлением, парень прошёл по коридору и завернул в ту комнату, что находилась справа. Там он увидел небольшую уютную спальню с подростковой кроватью и письменным столом. Стены здесь, на удивление, контрастировали с увиденным ранее – старые бледно-розовые обои. Да и сама мебель выглядела не совсем ново. Словно комната эта была из какой-то чужой квартиры. Никита задумчиво посмотрел в окно. В стекло бил непрекращающийся снег, но теперь уже гораздо сильнее. Начало замечать.

Пройдя дальше по коридору и оставив без внимания, как просил Михаил, комнату слева, Никита дошёл до зала. Дугообразный диван, круглый столик кофейного цвета в углу и плазменный телевизор. Мягко-зелёный тюль и яркие апель-

синовые шторы свисали с деревянного потолочного карниза. За ними, на подоконнике, вырисовывались цветы в горшочках.

В этой квартире не было громоздких и отягчающих впечатление предметов. Отчего Никита сразу же и почувствовал себя в ней свободно и легко. Это хорошее качество квартиры – когда не давят своим присутствием многолетние пыльные шкафища, широченные тумбы, необъятные серванты и прочие «рады», которых с лихвой хватает на съёмных квартирах, что достаются их владельцам от умерших стариков-родителей и которые сдаются таким вот, как Никита – пытающимся прижиться в этом городе, но пока не имеющим ни гроша капитала для собственного уголка.

И вдобавок к невероятно поразительному и столь красочному внешнему виду тот факт, что эта квартира являлась трёхкомнатной, чрезвычайно поразил Никиту. Он ожидал, что будет однушка, ну максимум двушка, но не более. А тут на тебе – трёшка! Да ещё и с шикарным ремонтом!

Когда осмотр этих комнат был окончен, Никита вопросительно посмотрел на Михаила. Нотариус, заметив это, кивнул и подошёл к той самой, пока ещё не обследованной комнате и, встав перед закрытой дверью, тихо произнёс:

– А вот и то самое *обстоятельство*, о котором я вам говорил...

IV

...И дверь отворилась.

Никита увидел, что в кресле, спиной к ним и лицом к окну, кто-то сидит. Сзади была видна лишь светлая макушка.

Парню стало понятно сразу – девушка. И это, пожалуй, первое его точное интуитивное попадание за весь день.

Но что странно, сидела эта особа неподвижно, будто спала. Однако Никита считал, что спать сейчас она уж точно не могла, ведь наверняка слышала, как они с Михаилом зашли в квартиру, как ходили по ней, разговаривали. При этом она даже не обернулась посмотреть на вошедших к ней людей. Вернее, вошёл только Михаил. Никита застыл на месте.

– Не бойся, – подметив в парне нерешительность, сказал нотариус и рукой позвал его войти в комнату.

Комната эта по размерам являлась такой же, как спальня напротив. Только значительно темнее. Чёрные шторы были плотно закрыты, и свет извне не проникал совсем. Горел лишь напольный торшер у кресла, разнося слабый, рассеянный сгусток света. Оттого салатовые стены здесь выглядели куда мрачнее.

К левой стене примыкал компактный шкафчик с книгами, рядом с которым и стояло оранжевое кресло. Сочетание зелёного и оранжевого в интерьере этой квартиры, сразу видно, создавалось намеренно и тщательно. В дальнем левом уг-

ду комнаты висел небольшой тонкий телевизор. Кровать, накрытая чёрным покрывалом, прижималась к правой стене – максимально далеко от окна и близко к двери.

Странная девушка продолжала сидеть недвижно. Кажется, даже если бы в эту секунду сюда влетел сам Александр Сергеевич Пушкин на борту инопланетного корабля с криком: «Свободу пролетарию!», то это бы её нисколько не удивило.

– Светлана Алексеевна оставила эту квартиру на вас двоих, – заговорил Михаил. – Но только под строжайшим условием, что вы, Никита, – здесь нотариус убедительным и серьёзным взглядом посмотрел на парня, – квартиру эту ни в коем случае не используете в своих корыстных целях. То есть не продадите ради своей выгоды.

– Что?.. Получается, я... Обязательно должен здесь жить? Но... Для чего? – пролепетал Никита, не отводя глаз от затылка неизвестной девушки.

– Для того, чтобы следить и ухаживать за ней. – Михаил грустно вздохнул и посмотрел на сидящую в кресле.

– Ухаживать за... *ней*?

– Она тоже ваша двоюродная сестра. У Светланы Алексеевны две дочери.

Никита разинул рот и глаза.

– Ещё одна?..

– Её зовут Лиза. Вы, кстати, практически ровесники. Можете поздороваться с ней.

Никита продолжал стоять на пороге комнаты, не в силах пошевелиться. Это что, *действительно* его сестра? Но он не знал, что у тётки Светы было две дочери. Да он, оказывается, вообще о ней ни черта не знал. Ровным счетом ничего!

– Что ж... ладно, – поддаваясь не слишком удачно складывающейся ситуации, снова вздохнул Михаил. – Давайте лучше выйдем и обговорим всё это в другой комнате.

И, тут же повернувшись в сторону кресла, добавил:

– Лиза, мы рядом. Если что-то понадобится, ты только скажи.

Девушка никак не отреагировала на слова нотариуса. Но тот, как понял Никита, этого и не ждал.

Они вышли из её комнаты, закрыв дверь.

В зале, включив телевизор – видимо, в качестве звукового фона, – Михаил сел на диван. Окинув беглым взглядом эту большую комнату, он сказал:

– Давайте начистоту, Никита. Это хорошая квартира. Я бы даже сказал: отличная. И теперь вы её владелец. Но Лиза – тоже её владелец. Ваша тётка завещала эту квартиру вам двоим. Все нужные документы, свидетельствующие об этом, имеются у меня. Я не сказал вам о Лизе на похоронах, так как решил, что вам будет лучше увидеть всё самому. Она...

– Что с ней не так?! – перебил его Никита. – Почему она даже не обратила на нас внимания?

– Понимаете... – замялся нотариус, поглядывая на дверь в комнату девушки. – Лиза... как бы это правильно сказать...

Она – непростой человек. Не такая, как все.

– И что это значит?

– Она не больна, ни в коем случае, не подумайте. Но единственное, что вы должны помнить и днём и ночью – так это то, что у неё хионофобия.

– Хионо... что?

– Хионофобия. Боязнь снега.

– *Снега*?.. – Лицо Никиты исказилось от недоумения. – А такое разве бывает?

– Ещё и не такое бывает.

– Но ведь сейчас середина ноября... Уже почти зима. Что же, она даже на улицу не выходит?

– Практически круглый год сидит дома. А в зимний сезон – подавно. Поэтому она и не была на похоронах. Её психика воспринимает снег как опасный для жизни фактор. Я заезжал за ней сегодня, но начался снегопад. Так что пришлось оставить её. В этой квартире, кстати, нет ничего белого, если вы успели заметить...

– Очуметь... – Никита закрыл лицо руками. Постояв так несколько мгновений, он убрал руки и внимательно посмотрел на Михаила.

– Вы же просто нотариус. Почему же вы так хорошо знакомы со всеми обстоятельствами этой семьи? – спросил Никита, тем самым пытаясь вернуть себя в позицию серьёзного и формального отношения к этому человеку, который, по его мнению, как раз таки толкал каменный шар их беседы боль-

ше к неформальному склону, уже подкатывая его к самому краю. Оттого Никите казалось, что ещё чуть-чуть – и он отпустит всё происходящее на самотёк. Поэтому, пока имелась возможность, ему нужно было взять ситуацию в свои руки и разобраться в ней как следует. Иначе потом в его голове – да и вообще вокруг – развернется настоящий хаос.

– Я действительно много знаю, потому что мы со Светой были хорошими знакомыми, – спокойно ответил нотариус. – Учились в одном университете. А все последующие годы время от времени поддерживали дружеские отношения. Вот она и пришла оформлять своё завещание именно ко мне, потому что это было моей работой. Тогда-то она мне и поведала историю о том, почему оставляет квартиру только одной дочери и племяннику, который даже и не знает, возможно, о её собственном существовании. У нас со Светой всегда были доверительные отношения, и я пообещал ей, что прослежу за тем, чтобы всё было хорошо; чтобы Лиза оставалась в порядке. К тому же... я виноват перед Светой... Впрочем, это уже не столь важно, – договорил Михаил, отрешённо глядя перед собой, прямо как в тот эпизод в машине.

Никита стоял потрясённый в центре зала и смотрел на дверь той комнаты, за которой находилась впервые увиденная им сестра.

– Получается, тётя оставила мне квартиру лишь с той целью, чтобы я... непременно здесь жил сам и присматривал за Лизой? Как сиделка?

– Примерно так, – кивнул Михаил.

– Невероятно...

– Зато теперь у вас будет своя квартира в городе. Вы ведь сами-то не отсюда родом, как я знаю.

– Не отсюда... – задумчиво ответил Никита.

– И, верно, снимаете за немалые деньги жильё, чтобы было где жить?

– Снимаю...

– А теперь не придётся снимать. Теперь у вас своя... ну почти своя квартира. За Лизу не беспокойтесь. Мать оставила ей достаточно денег на жизнь, и забота о ней на вашем кармане никак не отразится. Будьте спокойны. Живите.

– Вы что, смеётесь?! – На лице Никиты замерла нервная усмешка. – Посмотрите на меня. Какая из меня сиделка? Мне двадцать два года, я буквально несколько месяцев назад окончил университет и вроде бы только-только устроился на работу. У меня нет времени ухаживать за... больной сестрой. Я не врач...

– Вы не поняли. – Нотариус кашлянул, снова мельком взглянув на дверь спальни. – Она не больна. Просто отвергает людей, необщительна и малоподвижна.

– А с чего вы взяли, что она не будет отвергать и меня?

– Вы её брат. Вы можете ей это объяснить, и она поймёт. Она редко разговаривает, но всё понимает.

– А вот я не понимаю. Почему тётя не оставила это Соне, чтобы та жила здесь и сама ухаживала за своей сестрой?

– Вы не знаете Соню, – сказал Михаил и опустил взгляд к полу. Он покачал головой, словно о чём-то задумавшись, и лишь через несколько секунд вернулся к разговору. – Соня ненавидит Лизу. И на это есть причины. Но оставь Света квартиру на них обеих, то Соня в первый же день выселила бы Лизу в какую-нибудь психиатрическую больницу, а сама бы продала квартиру.

– Понятно теперь, почему она так посмотрела на меня, когда вы зачитали завещание... – произнёс Никита. – И всё же я не могу понять... Почему тётя Света оставила Лизу на моё попечение, ведь сама она меня почти не знала. Почему такое безрассудство?

– Мне нравится, что вы хотите узнать всё до конца, до мельчайших подробностей, а не сразу соглашаетесь на все предложенные условия, лишь бы здесь жить. Это положительный знак. – Михаил чуть улыбнулся. – Но подумайте сами: кто, если не вы, смог бы ухаживать за Лизой? Кто? Соня? Я уже сказал, что она бы точно в первый же день выкинула сестру из дома. Может, ваши родители, Никита? Они взрослые люди, почти оба на пенсии, живут в другом населённом пункте, им не до Лизы. А других родственников в Петербурге у Светы нет. А вы – есть. К тому же вы хорошо учились в школе и университете, любите литературу, всегда были добрым. Вот у Светы и появилась мысль оставить квартиру вам двоим с Лизой, определив каждому по половине жилплощади. Таким образом, ваша половина – это благодарность за

вашу доброту.

– Но ведь я, как и Соня, могу её вытурить в первый же день, – не сдавался Никита. – Откуда же тётя Света знала, что я этого не сделаю? С чего она решила, что я добрый?

– Вы бы не посмели. Она знала.

– Откуда?

– Помните тот случай в детстве, когда вы, отдыхая в лагере, вступились за девочку, и вам... – вдруг спросил Михаил, не договорив.

– Помню... – потрясённо вымолвил Никита.

– Света знала эту историю. Она много о вас знала. Видимо, именно в вас, Никита, она увидела доброго человека.

– Наверное, моя мама рассказала ей об этой истории... – тихо, будто сам с собой, рассуждал Никита, приложив руку ко лбу и глядя в пол. – Да уж... тётя Света всё продумала наперёд. Знала, что мне не отвертеться... Знала, что не смогу отвернуться от человека, которому нужна помощь.

– Лиза, и правда, нуждается в помощи, Никита. Поверьте мне. У этой девочки непростая душа. Мало того, что смерть Светы... эти напряжённые похороны... Так ещё и снег, как видите, зачистил. Зима уж скоро. А это самый страшный для неё сезон. Сейчас ей нужен кто-то как никогда.

Никита ничего не ответил. Прямо мистификация какая-то, думал он. Ещё утром он был просто Никитой в чужом городе, снимающим напополам с малознакомым пареньком обшарпанную однушку, а теперь он – законный владелец

своей квартиры. Пусть не в центре, но в этом городе, и пусть не один, а на пару со своей двоюродной сестрой, но он – владелец!

– Но и это ещё не всё, – вдруг сказал нотариус.

Никита снова поднял глаза на Михаила.

– Ваша тётя завещала вам определённую сумму денег, а именно – один миллион рублей.

– ЧТО?! – остановилось дыхание у Никиты.

– Но и здесь есть одно небольшое обстоятельство... – тут же добавил нотариус. – Данную сумму вы сможете получить только по истечении года совместной жизни с Лизой. В другом завещании это так и указано. О нём я не говорил при Соне: ей денег Света не завещала. Данный срок необходим, как вы, наверное, и сами понимаете, в качестве страховки. Или, если можно так выразиться, проверки вашей честности перед просьбой вашей тёти ухаживать за её младшей дочерью и оберегать её.

– И что же... это мне теперь всю жизнь необходимо быть с ней? А если я решусь на ком-нибудь жениться? Ну, там... завести семью, то... то что тогда?

– Света верила, что Лиза обязательно вылечится и изменится в ближайшие годы, а там-то вы уже сами, как взрослые люди, решите, что делать с жилплощадью – то ли продавать, то ли ещё что-нибудь. Но до того момента вы всегда должны быть рядом с ней.

– Тётя Света хорошо всё продумала... – снова повторил

сбитый с толку Никита.

– Да, она подошла к этому вопросу основательно.

– А деньги, я так полагаю...

– Да. Деньги у меня. И на самом деле я могу отдать их вам когда угодно, даже раньше срока, по своему усмотрению, как буду убежден в вашем искреннем желании придерживаться вещей, оговорённых выше.

– С этим всё ясно...

На какое-то мгновение образовалась странная и не имеющая возможность предсказать дальнейших событий тишина.

– Пожалуй, мне пора. – Михаил поднялся с дивана. – Не проводите до машины?

– Уже?... – Никита испуганно взглянул на него.

Нотариус молча вышел из зала. Чуть приоткрыв дверь комнаты Лизы, он попрощался с девушкой в том же одностороннем порядке.

Они спустились во двор. Снег валил как бешеный. Михаил окинул взглядом мутное небо и задумчиво произнёс: «И что сейчас на дорогах творится...» Затем жестом попросил Никиту сесть на минутку в машину.

Заведя мотор и положив руки на руль, он заговорил:

– Да, по сути, в этом деле я – просто нотариус. Но поймите, Никита, я хорошо знал Свету. И поэтому очень беспокоюсь о том, что будет с Лизой. Если вдруг у неё начнутся панические атаки или ей станет по какой-то причине очень плохо – мало ли что может произойти, – то дайте ей одну

таблетку успокоительного. Оно в ванной комнате, у зеркала, вы сразу найдёте. Если и это не поможет, звоните мне. Вот мой номер. – Он протянул Никите визитку. – И да... чуть не забыл... Теперь это ваши ключи.

Михаил протянул Никите связку ключей. Тот, что магнитик, – от подъезда; а второй, длинный и железный, – от квартиры под номером «50». Никита не спешил принимать их, до сих пор сомневаясь в реальности всего происходящего.

– Смелее, Никита! – по-дружески улыбнулся Михаил, глядя в глаза растерянного парня. – Ваша тётя очень рассчитывала на вас, делая такой шаг. Так будьте же благодарны ей и, пожалуйста, оправдайте её надежду.

Никита, тяжело вздыхая, всё же поднял руку и взял ключи.

– Замок у двери новый, лично менял. Ключи есть только у вас и у меня. Я навещу вас через несколько дней, привезу нужные бумаги. А теперь мне пора ехать, пока все дороги не замело... Да! И самое главное! – вдруг произнёс обстоятельным голосом Михаил, что даже образовались две морщины на его лбу. – Ни в коем случае – ни в коем, слышите? – не подпускайте к себе Соню. Вы понятия не имеете, на что способен этот человек.

После этого Никита вышел из машины, и белый «Фольксваген», вырулив со двора, исчез за поворотом. Парень обернулся к дому, поднял взгляд на девятый этаж и нашёл глазами то самое окно Лизы, плотно задёрнутое шторами.

Постояв так немного и подумав обо всём этом, Никита на мгновение закрыл глаза, пытаясь проснуться. Но после нескольких неудачных попыток всё же осознал, что это никакой не сон, и медленным шагом направился к подъезду...

V

На работе у Никиты дела шли как нельзя лучше. Его то и дело хвалили за проявляемую креативность при написании сценариев передач. Местный телеканал был, конечно, не из самых популярных в городе. Да что уж там – многие даже и не слышали о его существовании. Но всему коллективу, держащемуся на непонятно каких финансовых ресурсах, Никита всё же нравился.

Да и старался парень из всех сил. С чего-то, по его мнению, он должен был начинать. Пять лет университета, оплаченные родителями, пролетели, и настал день, когда Никита волен сам добывать себе на хлеб. Вот он и проявлял недюжинные способности, читал много новостей, статей и прочих текстов, из которых составлял свои собственные, делая их более увлекательными и легко доступными для восприятия.

Его рабочий день длился с девяти утра до шести вечера. Суббота и воскресенье – выходные. Всё как обычно. Всё, кроме одного. После работы теперь он возвращался уже не как раньше – в старую съёмную квартирку, а садился в другую маршрутку и ехал на окраину города, где находилось его новое пристанище в тихом дворе.

Никита объяснил своему соседу по старой квартире необходимость съехать. Да и тот был не против, так как и сам планировал перебраться к своей девушке. В итоге, собрав все

свои вещи, Никита переехал. Так он стал жить в новом доме.

...Но до этих событий, если вернуться ко дню похорон тёти Светы, после того как нотариус отдал ключи и уехал, Никита решил не отправляться за своими вещами сразу же. Подумал, что будет лучше пока просто провести этот день и переночевать в новой квартире. Чтобы лучше в ней осмотреться. И, конечно же, приглядеться к Лизе.

Несколько раз Никита заходил к сестре в комнату, пытаюсь с ней заговорить. Но девушка по-прежнему лишь смотрела куда-то в шторы и молчала. Никита не осмеливался подойти к ней спереди и посмотреть в лицо. Ограничивался тем, что видел её затылок из-за спинки кресла.

В тот вечер он принёс ей чашку чая и овсяное печенье, что нашёл на кухне. Оставив их на маленьком журнальном столике у двери её комнаты, ушёл. Вернулся через час – чай был не тронут и уже остывший, печенье лежало той же формой. Неудача...

Никита унёс этот чай и принёс новый, горячий. Но повторилось то же самое – к чаю Лиза не прикоснулась. Никита потёр затылок: *«А питается ли она вообще?..»*

Затем вспомнил, что сам лишь скудно завтракал ранним и давнишним утром перед похоронами. И принялся искать на кухне продукты, из которых можно было бы приготовить что-нибудь существенное. Пять лет студенческой жизни не пролетели зря – Никита мог сварганить еду из любых попавшихся под руку продуктов. Быстро и сытно. Правда, не все-

гда вкусно, как хотелось бы, но это для него было уже не столь важным. Главное – чтобы не оставалось чувства голода.

Никита нашёл под раковиной в мешке картошку. Почистил её, нарезал дольками и тщательно, равномерно пожарил на сковороде вместе с луком. Вдруг учуяв дымку вдохновения и порыскав в кухонных резервах, он ради эксперимента накрошил свежие базилик и петрушку и усыпал ими своё горячее блюдо.

И правда – поджаристая картошечка тут же преобразилась. Стала выглядеть гораздо аппетитнее. Никита аккуратно выложил её на большую тарелку. Затем достал из холодильника молоко, налил его в стеклянный стаканчик и чуть-чуть разбавил кипятком, чтобы было не таким холодным. Сложив всё это на деревянный поднос, двинулся с ним к Лизе в комнату.

На этот раз он подкатил и оставил журнальный столик прямо перед ней, но в лицо её так и не посмотрел. Почему-то стыдился. Как будто делает что-то плохое. Как будто это всё неправильно. Он всё ещё не верил, что теперь является владельцем этой квартиры. Да и не знал он, как сама Лиза относится к этой новости. Судя по её поведению, считал он, не очень-то радостно.

Вернувшись в её комнату через минут сорок, Никита увидел, что его блюдо съедено наполовину. Для него это было грандиозным прорывом. Он даже не сдержался и бросил ей

из дверей счастливое «Спасибо!». Но в следующую же секунду заехал себе по рту рукой: *«За что спасибо-то, иди-от?!»*

В общем, готовить Никита, несомненно, умел. Но в этот день он понял, что отныне ему необходимо улучшать свои кулинарные способности. Улучшать, чтобы подавать Лизе только вкусную и красивую еду, а не традиционное его блюдо – переваренные макароны с майонезом. Да, он хотел чем-то удивлять её, делать ей приятное, и поэтому... на следующий же день купил кулинарную энциклопедию – толстенную книгу со всевозможными рецептами.

Таким вот образом Никита вскоре превратился, как сам себя в шутку называл, в поварёшку-домохозяйку. Приходя с работы, он сразу отправлялся на кухню и изобретал ужин, который был хорошо спланирован им заранее. Затем, где-то в восемь вечера, заходил к Лизе с подносом в руках, оставлял его на столике перед креслом и уходил. Она не говорила ему спасибо или что-то ещё. Позже он заходил снова, чтобы забрать поднос, и радовался, если она хоть немного покушала.

Однако, как только Никита начал готовить эти новые, интересные блюда (в том числе и разнообразные соусы!), аппетит у Лизы словно разом изменился. Теперь она доедала. И иногда Никита даже приносил ей добавку. И, хоть та и не просила, нередко съедала и её тоже.

Никита радовался этому безмерно! Радовался, что ко-

му-то делает хорошо. Что за кем-то ухаживает. Что кто-то нуждается в нём. При этом он не чувствовал себя униженным за то, что обязан нянчиться с сестрой. Наоборот... Ему хотелось становиться лучше, только бы ей было хорошо. Он вырос единственным в семье ребёнком и, возможно, впервые почувствовал удовольствие от чувства и осознания, что может за кем-то ухаживать.

И теперь Никита, что раньше за ним совсем не наблюдалось, стал готовить ещё и выпечку. Песочные корзиночки с масляным кремом и фруктами, слоёные пироги с яблоками и изюмом, творожный пудинг с орехами, запеканка из помидоров и сыра, морковные оладьи, булочки с джемовой начинкой... что только он теперь не готовил! И не просто чётко следуя рецептам из книги, а развивая в себе какую-то кулинарную интуицию.

«Что бы лучше использовать в качестве начинки пирога? Может, рискнуть – и варенье клубничное? В холодильнике вроде ещё оставалось... Чем бы посыпать дрожжевое печенье? Тёртым шоколадом? Или может, сгущёнкой? А что если... смешать и то, и это, да ещё мелко раздробить и посыпать сверху грецких орехов?»

Словом, творческий процесс на кухне протекал всегда оживлённо. Никита открывал для себя новый мир, и мир этот был необычайно вкусным.

Шли дни. Утром Никита отправлялся на работу, вечером возвращался. Нигде больше не появлялся, приглашения кол-

лег по работе провести вечер в культурных заведениях любезно отклонял. Да и не хотелось ему где-то развлекаться, зная, что дома Лиза находится совсем одна.

Возвращаясь с работы, Никита часто замечал, как сушится влажное полотенце на батарее в ванной комнате; как видны влажные следы того, что кто-то принимал душ; как постираны женские вещи. Он понял, что Лиза старается перемещаться по квартире, только когда он отсутствует. Ещё, бывало, ночами сквозь сон Никита слышал её шаги и видел под своей дверью полоску включенного в коридоре света.

В один из будничных вечеров Никита, по обычаю с подносом в руках, зашёл к Лизе в комнату, но в кресле её не оказалось. Она стояла, прислонившись к книжному шкафу, и смотрела на него. Руки её находились за спиной, а изучающий взгляд был направлен прямо на Никиту. От этого парень тут же опустил глаза и покраснел:

– Я это... Прости, что беспокою... Я принёс тебе обед... То есть уже ужин... Покушай... Это рагу из грибов... И профитроли с заварным кремом... Вот... Сюда положу, ладно?..

Никита поставил поднос на столик перед креслом и быстро устремился прочь из комнаты.

– В..вкусно...

– М?.. – развернувшись, переспросил Никита. Но больше не из-за того, что не расслышал, а поражённый её впервые сказанным словом.

– Всегда вкусно... – тихо добавила она.

– Спасибо... – Никита зарумянился ещё сильнее и быстро вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Он спешил в ванную. Заперевшись там, посмотрел в зеркало. *«И чего ты покраснел, придурок? Она просто сказала, что вкусно, а ты уже весь распылился, раскраснелся! Уф! Как ребёнок пятилетний! И она всё это видела!»*

Но зато и он увидел её...

Стоя перед зеркалом, он вспоминал Лизу и понимал, что она не похожа на Соню... Светлые локоны до плеч, грустно-усталый взгляд, большие глаза с синяками, как бывает у невыспавшегося человека, слегка пышные щёки... Да, лицо Лизы он запомнил отчётливо. Она всё ещё стояла перед ним в достающем до самых колен вязаном жёлтом свитере и чёрных шерстяных колготках, прислонившись к книжному шкафчику...

Никита включил холодную воду и сполоснул лицо. Затем вышел из ванной комнаты и отправился на кухню, чтобы и самому перекусить после работы. За окном уже стемнело, и он зажёл свет. Кажется, снова начинался снег. Ну что ж, последний день осени – неудивительно. Уже завтра декабрь и... Зима.

Вот он и прожил почти две недели с Лизой. А что будет дальше? Родителям он позвонил в тот же день после похорон и сказал, что подробно объяснит всю ситуацию с завещанием по приезду на новогодние праздники, поскольку не понимал, как по телефону можно изложить все те обстоятель-

ства, с которыми он был вынужден столкнуться. Родители не настаивали, поняв, что их сыну, и правда, что-то досталось от Светланы Алексеевны, и стали дожидаться Нового года, чтобы узнать все детали.

Закончив с ужином, Никита сидел за столом и смотрел в окно. Там медленно суетился снежок, но сильного снегопада пока не было. Налив себе горячего чая, он вдруг вспомнил о кофеварке и твёрдо решил, что завтра же обязательно её купит.

Подойдя к окну, Никита посмотрел вниз. Девять этажей – высота значительная. Внизу бегали детишки, кидая друг в друга снежками. Кругом всё было белым-бело, навалило за последние дни как следует. Но сегодня – ещё тридцатое ноября. Последний выдох осени. Вот и Никита, находясь в предвкушении наступающих выходных, расслабленно выдохнул и даже чуточку улыбнулся.

VI

Как и обещал, Михаил приехал через несколько дней. Это было ещё задолго до того момента, когда Никита стоял у окна и провожал осень, глядя на начинавшийся снегопад.

Зайдя в прихожую из сквозившей морозным воздухом лестничной клетки, нотариус пожал Никите руку, вручил несколько пакетов с продуктами и поинтересовался, как прошли эти несколько дней. Затем сразу отправился в комнату к Лизе и поздоровался с ней. Но та, как обычно, не проронила ни слова, продолжая неподвижно сидеть в кресле.

На кухне, за чашкой чая, после того как нотариус закончил дела с разными бумагами о наследстве, первым разговор начал Никита.

– Касательно ещё некоторых моментов... – заговорил он. – Правильно я понимаю, что Соня – как родная дочь – после смерти матери всё-таки каким-то образом тоже может претендовать на эту квартиру?

– Вы мне нравитесь всё больше и больше, Никита! – улыбнулся уже заросший щетиной Михаил, одетый в серый джемпер. Сегодня он выглядел гораздо расслабленнее. – Конечно, при большом желании Соня может попытаться оспорить завещание. Но по документам – ей не досталось ничего. Всё дело в том, что в свои пятнадцать лет она ушла из дома, поступила в колледж и стала жить в студенческом общежитии.

Проще говоря, начала самостоятельную жизнь. А после совершеннолетия, вероятно, чтобы обрезать последнюю связь с матерью и Лизой, отказалась от своей доли в этой квартире. То есть ей изначально по документам полагалась 1/2 этой жилплощади. Но она подписала соответствующие бумаги и лишила себя таких прав. С тех пор она здесь только официально прописана, но никакой долей жилья не владеет. Не знаю, зачем она это сделала... Видимо, для того, чтобы показать свою независимость. Мол, смотри, мама, мне даже твоя квартира не нужна; не то что Лиза – ничего не делающая и требующая постоянный за собой уход.

– Тем не менее, она неслабо разозлилась, когда узнала, что мама ничего ей не оставила... – подметил Никита.

– Да, это точно. – Михаил поджал губы. – Но всё же странно... Она сама отказалась от своей доли. Собственноручно подписывала документы. А теперь почему-то злится... Думаю, где-то в глубине души она надеялась или, даже может, сильно желала, что мама сама сделает это – сама оставит ей половину квартиры. Но этого не случилось. И денег тоже не было в завещании.

– Что ж... – Никита задумался, осмысливая полученную информацию. – А теперь расскажите, пожалуйста, всё, что можете о тёте Свете. Я её почти не знал.

Нотариус кивнул, сел удобнее и стал говорить:

– Когда ко мне пришла Света, я сразу же заметил, что она опустошена. Да что там опустошена... измучена. По старой

дружбе она обратилась именно ко мне, как к человеку, который может профессионально ей помочь в данном деле. Она хотела как можно скорее написать завещание. Я объяснил ей все детали и нюансы этого процесса, и мы принялись составлять документ. Она рассказала, что оставляет одну половину квартиры младшей дочери – Лизе, а вторую – племяннику.

Я заинтересовался таким решением и спросил её об этом. Тут она мне всё и поведала. А именно то, что боялась оставлять квартиру обеим дочерям, так как считала, что к добру это не приведёт. Она как будто предчувствовала конфликт между ними и всяческими усилиями старалась его предотвратить. Ведь одна из них намного слабее другой: и душевно, и физически. «Однако если оставлять квартиру только Лизе, то это и приведёт к самому крупному конфликту между ними», – предупредил я её тогда. Но она ответила, что пусть лучше так, чем несамостоятельная Лиза останется жить где-то на улице. Она очень переживала за неё...

Девочка с детства замкнутая, не разговаривает и жутко, просто до истерики боится снега. Зима – это то время, когда она по квартире-то ходит редко, а про улицу и вообще речи быть не может. О школе Лизе, конечно же, в отличие от своих сверстников, пришлось забыть. У неё было домашнее обучение, к ней приходили педагоги. Света работала в хорошей компании, и так или иначе ей удалось вырастить обеих дочерей в достатке. Мужа у неё, насколько я знаю, никогда не было... Вот. Что я ещё могу сказать?..

Про Соню она говорила мало. Старалась обходить эту тему стороной. Сказала лишь, что поступает так, чтобы спасти слабую Лизу. Что Соня может содержать себя сама, так как уже стала самостоятельной и взрослой. И ещё... Света говорила, что очень надеется на вас, Никита. Что когда Лизе будет угрожать что-то плохое, вы сможете её защитить и вывернуть напряжённую ситуацию в нужное, спасительное русло. На вас она возложила такую миссию. А я лишь передаю вам это.

Никита молчал, подперев подбородок руками. Его взгляд был направлен в стол. Михаил с сочувствием посмотрел на парня.

– Я понимаю, это необычно и неожиданно... Но так, и правда, лучше. К тому же, я смотрю, ты уже немного освоился в этой квартире, – осмотрев кухню и появившиеся здесь нововведения, сказал нотариус. – Ты – это лучшее, что может быть у Лизы сейчас.

«Он всё же перешёл на "ты"...» – вздохнул Никита. Та стена формальности, которую он усердно возводил перед Михаилом, треснула. А раз уж это случилось, подумал он, то, наверное, было бы неплохо разломать и все остальные барьеры. Чтобы не держать больше в себе неукротимые мысли, что рвались в эту минуту наружу.

– И правда, необычно это всё... – сказал Никита тихим голосом, слегка покачивая головой. – Постоянно кажется, что кто-то придёт и скажет, что всё это чья-то нелепая ошибка, и

укажет мне на дверь. И тогда я, вновь собирая все свои вещи, буду обзванивать риелторов в поисках жилья. Только вряд ли я сейчас смог бы позволить себе риелторов – денег уже почти и не осталось. На работе пока не щедрятся молодым работникам, но говорят, что после Нового года, возможно, будет повышение зарплаты. У родителей просить – уже стыдно, если честно. Они, конечно, дай я им только намёк, сразу же пришлют нужную мне сумму, но я этого не хочу. Я уже способен сам зарабатывать... И у меня есть желание самому построить вокруг себя то окружение, которое я хочу видеть в своей жизни. Правда... порой мне кажется, что это почти невозможно.

– Почему же невозможно? – Михаил размешал сахар и положил ложку рядом с чашкой, всем своим видом показывая, что внимательно слушает.

Никита не мог не заметить этого.

– Ну, посудите сами, – продолжил он. – Если у меня нет богатых родителей и если я – как это мягко можно выразиться – провинциал, то в таком большом городе как Петербург мне будет сложно добиться наличия собственной квартиры, автомобиля и ещё зарплаты, удовлетворяющей более-менее мои потребности. Да, если у меня будет стабильный средний заработок, я могу приобрести квартиру в ипотеку и до конца лучших своих лет горбатиться не покладая рук, только чтобы выплатить этот долг перед банком. То есть квартиру-то я получу, но вместе с ней – и огромное чувство вины: я ко-

му-то что-то должен.

С другой стороны, я могу этого элементарно не замечать и просто работать и платить долг банку, особо не расстраиваясь из-за нравственных мелочей. Но тогда большая часть моей зарплаты будет уходить на эту ипотеку, и мне, чтобы как-то оплачивать нужды в городе, придётся задуматься о куда более оплачиваемой работе. По принципу: если зарплата высокая – то и нечего беспокоиться. Но здесь открывается уже новый вопрос. А как найти такую работу, чтобы ещё и получать много, и при этом проявлять свои способности лучшим образом? Ведь очень часто, если у тебя нет влиятельных знакомых, то устроиться в хорошую фирму (я имею в виду именно в одну из *самых* хороших, где можно реально зарабатывать такую сумму, чтобы платить и за квартиру и, если хочется, за машину, да ещё и жить нормально) – практически невозможно. Там везде места уже забронированы.

Но можно пойти по другому пути: быть очень смелым и открыть своё собственное дело. Но и в этом случае нужен хороший вклад. Ведь создать и запустить производство – тоже затратный процесс. Тут вообще все пути обрезаются на самом только подступе к ним. И вот мне кажется, что некоторым людям просто не суждено жить так, как они хотят. Ведь для государства я, по сути, – пустое место. Мои интересы и желания попросту не учитываются. Я – никто, потому что у меня нет денег. И при этом я могу видеть, как кто-то – кто. И ещё какое Кто! – с деньгами, связями и хорошими

возможностями. То есть государство обходит стороной тот факт, что я могу задумываться о своем ущербном положении перед другими и расстраиваться по этому поводу. Никого это, в общем-то, особо и не волнует.

Михаил несколько мгновений помолчал.

– Я хотел бы сказать, – начал он, – что, на самом деле, так было всегда. Но ты, Никита, как я погляжу, действительно умный парень и рассуждаешь очень даже здраво. Это вообще бесконечная тема в нашем обществе – как пробить себе дорогу в нормальную жизнь. Иногда для этого ничего не нужно делать, если имеются, как ты выразился, связи, богатые родители. Но бывает, что и просто везёт, как, например, тебе с этой самой квартирой. Это же везение, согласишься? Раз – и у тебя своя жилплощадь в Петербурге. А скоро ещё появится неплохой капитал. Теперь тебе не нужно задумываться об ипотеке, теперь ты можешь переключиться на что-то другое.

– Так-то оно так, – проговорил Никита, но всем своим видом показывая, что не может согласиться до конца. – Но мне кажется, что даже наличие этой квартиры и хорошей суммы денег не сильно изменит мою жизнь... Тут всё зарождается от осознания собственного местонахождения в обществе. Если нет основы внутри, то и снаружи её не построишь. Хотя согласен – положение дел в моем случае очень даже позитивно изменилось. Правда, я просто не осознал этого. Скажу проще – я этого не заслужил и не знаю, смогу ли в полной мере принять такой подарок судьбы...

– Но разве те, у кого есть богатые родители, заслужили то, что у них есть? – удивлённо спросил Михаил. – Ведь это досталось им просто так.

– В том то и дело: у них есть осознание того, что они это заслужили, потому что они росли с этим с самого начала. Это их мировоззрение, что они на материальном уровне стоят выше других людей. В них с детства взращивается семя этого понимания, которое потом вырастает в огромное неприступное дерево, и его не так-то просто срубить.

– И ты хочешь быть как они?

– Ни в коем случае. – Никита покачал головой. – Я считаю, они в ещё более ущемлённом положении, чем бедные. Если нет осознания необходимости собственного движения, собственного развития, если человек стоит на месте и у него уже всё есть – то это болото. Но в то же время сплошные страдания из-за бедности – это тоже болото. Как не угодить в это с обеих сторон болото – вопрос для меня актуальный. Я нахожусь где-то посередине и боюсь, что вот-вот рухну в какую-то из этих половин.

– Как метафорично ты поставил эту ситуацию! – Михаил восхищённо улыбнулся. – Мне непривычно видеть людей в твоём возрасте, которые бы так рассуждали.

Никита давно ждал подобного момента, когда сможет выговориться. Именно эта тема не давала ему покоя всё последнее время.

– Хорошо. – Парень положил свои ладони на стол и

встал. – С этой минуты предлагаю больше не разбираться во всех этих деталях, как и почему я здесь оказался. Я живу в этом доме и приглядываю за Лизой, раз этого хотела тётя Света. Родителям обо всём расскажу, когда поеду домой на Новый год. По телефону не объяснишь, что ты теперь владелец квартиры на пару со своей двоюродной сестрой, о существовании которой прежде и не знал...

– Молодец, – кивнул Михаил и снова улыбнулся. Но в следующую же секунду нечто примагнитило его взгляд. На кромке стола совсем мелко и криво было что-то высечено. Так, что и заметить-то практически невозможно. Однако дерево старательно хранило память прикосновения острого предмета. Два слова, точно крошечные шрамики. Первое:

Соня

А рядошком – зачёркнутое несколько раз:

Лиза

Не подавая виду, нотариус незаметно прикрыл клеёнкой эту область стола, приложил сверху свой локоть и задумчиво поморщился. За весь оставшийся день он ни разу больше не улыбнулся.

VII

На календари пришла зима. А вместе с ней – продолжение спокойной и размеренной жизни в квартире номер «50» в тихом петербургском дворе.

В первое декабрьское воскресенье Никита сидел в своей комнате за столом и сосредоточенно глядел на экран ноутбука. Пытался что-нибудь написать. Да, для того он и поступал на филологический, в надежде, что в будущем начнёт наконец-то писать свои книги. Но с последним у него почему-то всегда не складывалось: то времени не хватало, то просто не мог себя заставить начать. Лишь иногда выпадали редкие вечера, когда после просмотра какого-нибудь окрыляющего сознания фильма он вдруг чувствовал в себе что-то необычное – и садился сочинять.

До книги дело так и не дошло – бросал на полпути. Вернее, на четверти. Да что греха таить: даже до одной восьмой ни разу не добрался. Не мог придумать ни одной адекватной строчки кроме тех, что были написаны под воздействием минутного вдохновения.

Вот и теперь, сидя перед белым чистым экранным листом, он не понимал, о чём вообще можно написать. Вроде бы начнёт: вобьёт в текстовый редактор пару строчек, остановится, окинет их скептическим взглядом – и начисто удалит. Всё не то. Нужно что-то другое!..

После двухчасовой пытки своего воображения Никита наконец откинулся на спинку стула. И ещё раз перечитал сочинённое за сегодня. «*Полный бред!*» – вынес он вердикт, потянулся руками вверх и вздохнул. За окном мельтешил снег, закручиваясь и распыляясь во все стороны. Эта странная зима отличалась исключительной снежностью.

Никита зевнул и осмотрелся по сторонам. Невзрачные тускло-розовые обои с завитками... Пожалуй, во многом именно они делали эту комнату иной, выставляя её эдаким гадким утёнком. И не потому, что из-за отсутствия современного ремонта она выглядела чрезвычайной развалиной. Нет. Она была... вполне обычной. Никите такие комнаты были даже гораздо ближе по душе. Но сам факт непохожести её на своих собратьев зарождал в голове парня именно такую ассоциацию маргинальности.

Взять даже эту небольшую кровать... Во время сна его ноги постоянно выпирали и висели над полом. Вот к чему здесь эта кроватка? В других комнатах не найти слишком маленькой или неудобной мебели. Там всё как нужно. А здесь... здесь, вон, пустая деревянная полка из стены торчит: несуразная, неприметная, выцветшая. И рядом с ней, почти в самом углу, ещё какая-то побрякушка висит...

Никита прищурился.

Действительно, на гвоздике рядом с пустой полкой что-то было. *Цепочка?* Но отчего же он раньше её не замечал? Не признавал эту комнату своей?

Никита поднялся со стула, подошёл к полке и снял цепочку с гвоздика. Кажется, серебряная. На ней – крошечный крестик с распятым Иисусом Христом. Парень прищурился ещё сильнее. Откуда странное чувство, что эта вещь ему знакома?.. Впрочем, он мог и просто увидеть у кого-нибудь похожую, такое бывает. Но почему она висит тут?

Гипнотизируя цепочку ещё несколько мгновений, Никита вернул её на место. Затем устало повернулся к ноутбуку, бросил на него недоверчивый взгляд и, сокрушённо вздохнув, побрёл на кухню. Кухня – пожалуй, единственный верный и надёжный оплот спасения от любых капризов и кризисов жизни.

Никита сразу же принялся за приготовление кофе. Но не как обычно, а с помощью той самой желанной кофеварки, на которую он всё-таки не пожалел вчера последние деньги. Да, чёрт побери, он сделал это!

Лизу тоже угощу, решил парень, аккуратно засыпая кофейные зёрна в специальный отсек сверху электроустройства. Он бы уже и вчера это сделал, но пришлось провозиться с инструкцией, познавая все особенности своего приобретения. Дело в том, что в кофеварку была встроена кофемолка. И в чём инновация – все нужные процессы можно было запускать через приложение в смартфоне. И пока Никита разобрался со всем этим «ноу-хау», наступил поздний вечер. А предлагать кофе на ночь глядя, посчитал он, не совсем разумно.

Вынув из кармана мобильный телефон, Никита нажал на подсвеченную иконку с изображением кофейных бобов – и механизм ожил. Зёрна шумно завертелись под пластмассовым куполом. Никита, глядя на чёрный аппарат, с улыбкой тихонько произнёс: «Прогресс хренов».

Через несколько минут у него на подносе стояли две белые чашечки с горячим напитком, от которого исходил аромат свежемолотых зёрен.

«Есть в этом запахе нечто потрясающее! – размышлял Никита, взяв поднос на руки. – Какое-то открытие всеобъемлющего горизонта Нового Себя – совершенно иного человека, способного охватить Весь Мир таким же иным, не привычным ранее горячим чувственным объятием...»

Никита с самого детства был впечатлителен к запахам. Поэтому с годами научился истолковывать те образы, которые возникали при восприятии новых ароматов, и облачать их с помощью своих литературных способностей в подобные мысленные высказывания.

Но вот, допустим, писать об этом он почему-то не додумывался. Ему просто не приходило в голову, что именно такие детали, близкие ему, – это то самое, что и стоило бы использовать в своей прозе. Это и сделало бы её – *его* прозой. Индивидуальной, особенной и, что немаловажно, приятно близкой ему самому. Но он не думал об этом, а просто шёл в комнату Лизы с подносом в руках и надевал на свои ощущения очередные философские мантии.

Перед тем как войти к Лизе, Никита всегда стучался. Вот и теперь сделал три удара и лишь затем аккуратно вошёл в затемнённую шторами комнату. Девушка, укутанная пледом, из-под которого выглядывали только кончики её шерстяных носочков, сидела в кресле и что-то читала.

Как обычно, Никита положил поднос на столик перед ней.
– Что за книжка? – поинтересовался он.

В один миг в комнате установилась абсолютная тишина. Для Никиты подобная ситуация являлась уже вполне естественной. Ждать от Лизы мгновенного ответа было бесполезно. Если она что-то и отвечала, то это уже можно считать за достижение.

– Достоевский... – чуть слышно произнесла Лиза, опустив глаза.

– Ого! – улыбнулся Никита. – Достоевский – это серьёзно. А что за произведение?

И присел на корточки рядом с ней. Он уже не боялся смотреть ей в глаза, как раньше. Лиза же зрительного контакта по-прежнему избегала. Взгляд её мгновенно увиливал, точно скользкая рыбёшка от маленького мальчишки, отважившегося поймать её голыми руками.

Девушка медленно вытянула вперёд коричневую книгу, глядя при этом в другую сторону.

– Хм-м... «Бедные люди»... слышал-слышал, – кивнул Никита, осторожно взяв книгу в руки. – Но сам не читал. Это, кстати, самое первое опубликованное произведение До-

стоевского, ты знаешь? Он его в двадцать два начал писать, а закончил через год-полтора. Именно оно и стало отправной точкой его литературного успеха. Уже в *двадцать два* начал свои шедевры писать!.. Мне вот сейчас тоже двадцать два, а я ни в одном глазу не Достоевский. Эх... И скорее всего, никогда им и не...

– Он скоро придёт за тобой, – совсем тихо перебила Лиза.

– Кто?

– Достоевский.

– Прости, кто?..

– Достоевский.

– Какой ещё Достоевский?

Лиза бегло бросила взгляд на книгу в руках Никиты. Парень ещё раз глянул на обложку.

– Фёдор Михайлович?..

– Угу...

– Ничего себе... И что же ему от меня надо?

Лиза замолчала. А Никита замер. Воздух будто потяжелел, сгустился и стал давить ему на перепонки. Девушка вдруг откинула плед, медленно поднялась с кресла и переlegла на кровать, накрывшись одеялом.

Это могло означать лишь одно – разговор окончен.

Но Никита продолжал сидеть на корточках перед креслом, словно парализованный. Уставившись на лежащую Лизу, он возвращал в сознание её слова.

«За мной придёт... Достоевский? Это что вообще та-

кое? Какая-то странная шутка? Или, может, издержки хиона... как её там... фобии? Или просто малость переборщила с классикой?.. У меня такое тоже в университете было, на первых курсах, читал, пока кровь из глаз не сочилась. Но зато я получил образование. А что же с ней? Вдруг это опасно? Может, у Михаила спросить? Хотя... он ведь тоже не служба вечной психологической поддержки. Конечно, говорит, что всё сделает, с чем нужно, поможет, но ведь понятно, что постоянное отвлечение от своей собственной жизни – никому не будет по душе».

Никита привстал, осторожно, чтобы не обжечься, взял свою чашку с кофе и неохотно двинулся к двери. Правда, перед самым выходом в надежде всё же обернулся к кровати. Но Лиза лежала лицом в другую сторону и видеть озадаченного Никиту не могла. Он постоял так ещё несколько секунд и вышел.

Спустя час в дверь квартиры раздался громкий стук.

* * *

Никита отвёл взгляд от ноутбука. Это ещё кого принесло, подумал он. Нотариус?.. Прибыл по мановению недавней мысли? Но он не говорил, что собирается навестить их. Да и с недавнего его визита прошло совсем мало времени.

Может, Соня? Ну, это уж совсем непреодолимая загадка. Кто ж её знает, эту Соню и что у неё вообще на уме.

А может быть, это...

ТУК-ТУК-ТУК!

Никита неторопливо вышел из комнаты. Словно шпион, он подкрался к прихожей, встал у входной двери и, не дыша, заглянул в глазок. Размытые очертания человеческой фигуры. Ни черта не разглядеть.

ТУК-ТУК-ТУК!!

Холодными пальцами парень коснулся ручки двери. Сердцу его стало так тесно, что оно будто принялось бесконечно расширяться, выдавливая наружу грудную клетку. Спрашивать, кто там, Никита не решался: во рту пересохло так, что единственное, что он смог бы сейчас из себя явить – это лишь жалкий приглушенный хрип.

ТУК-ТУК-ТУК-ТУК-ТУК!!!

Никита с силой закусил нижнюю губу. Вобрав в лёгкие воздуха, он задержал дыхание и... повернул ключ в замке. Тишина в это мгновение зазвучала грандиозным по своему размаху оркестром. Всё Сущее замерло, чтобы узреть, что сейчас произойдёт в этом подъезде панельной питерской девятиэтажки.

Никита медленно толкнул дверь навстречу неизвестному...

VIII

– Здрасьте! А Никита здесь живёт?

Застывший Никита оглядел с ног до головы рыжеволосую девушку лет восемнадцати. И, когда твёрдо убедился, что Достоевским она быть не может, расслабленно выдохнул и вдруг даже прыснул со смеху.

– Здесь, а что?

Незнакомка, в чёрной футболке, зауженных джинсах и с цветными татуировками на обеих руках, увидев сдерживаемый хохот Никиты, слегка приспустила плечи и улыбнулась.

– Сказать по правде, я и так знаю, что Никита – это ты, – продолжила она весёлым голосом. – Потому как другого молодого человека с таким именем здесь быть и не может.

– А зачем тогда спрашиваешь?

– Сама не знаю. – Девушка пожала плечами. – Наверное, из вежливой наивности. Так ведь принято: быть немного глуповатым при знакомстве, даже если видишь очевидные вещи. Не могла же я тебе в лоб сказать: «Привет, Никитос!» Это было бы неловко, ведь ты же меня совсем не знаешь. Вот и приходится иногда идти обходными путями, прощё говоря – тупить: «Здрасьте, а здесь такой-то проживает? Ах, здесь, да? Ну, сла-а-авно! Давайте знакомиться!» Уловил? – Девушка улыбнулась ещё шире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.